

ВИЛЕНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД И ПОЛЬСКО-РУССКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ

А.С. СМИРНОВ

*Институт
археологии
Российской
академии наук,
г. Москва*

*e-mail:
assmirnov@mail.ru*

В статье рассматриваются события IX археологического съезда в Вильно 1893 года. Этот археологический съезд был первым из серии последующих съездов, проводившихся на территории Западного края и пограничных с ним губерний. Решение о проведении съездов в Вильно, Риге и Варшаве было принято императором Александром III. Причины этого решения объясняются целями национальной политики, утверждавшими русские истоки истории Северо-Западного края, как земель, возвращенных империи после раздела Польши. Поляки считали эти земли насильственно отторгнутыми и утверждали здесь свои национальные приоритеты. Российско-польские противоречия отразились во время подготовки и проведения съезда. Министерство народного просвещения, опасаясь польского влияния, концентрировала организационные функции съезда в руках местной администрации в ущерб правам Московского археологического общества. Археологическое общество, разделяя русификаторские цели императорской администрации, стремилось минимизировать участие польских представителей в работе съезда. Внешние проявления польских интересов организаторам удалось нейтрализовать, но участие поляков в работе съезда было минимальным, а дальнейшие попытки провести съезд в Варшаве потерпели неудачу.

Ключевые слова: Археологический съезд, Вильно, Западный край, национальная политика, польско-русские противоречия.

Начиная с IX археологического съезда в Вильно 1893 г., шесть последующих прошли в Западном крае империи¹ или в пограничных с ним губерниях. Эта закономерность имела свои весьма веские причины. Во второй половине XIX в., особенно после польского восстания 1862-1863 гг., правительство империи обращало особое внимание на положение в Привислинском крае, бывшем Царстве Польском². Имперская власть всячески стремилась утвердить русское православное начало в Западном крае – на территории взаимных политико-этнических претензий, существовавших между Москвой и Петербургом, с одной стороны, и Варшавой – с другой.

Идеология империи долгое время ориентировалась на династическую концепцию власти, основанную на понятии подданства, а не национальности. Но под влиянием восстания в Польше, объединения Германии и Италии российское общество стало все сильнее ощущать тождество империи и русской нации. Националистический образ мышления распространялся все более, охватывая не только правящую элиту, но и широкие слои общества. Правительство все активнее использовало политику русификации и всемерного продвижения православной русской идентичности. Это особенно ярко это проявлялось в западных провинциях империи.

В кругах просвещенного российского общества, профессуры, интеллигенции было не редкостью сочувственное отношение к полякам, к их свободолюбивым устремлениям. Адам Мицкевич был кумиром литературных салонов в Санкт-Петербурге, Москве и провинциях. Но притязания поляков на Западный край и «польский» Киев вызывали в российском обществе отрицательную реакцию.

¹ Западный край в Российской империи в XIX – начале XX в. – 9 губерний западной части Европейской России, присоединенных в конце XVIII в. от Речи Посполитой. Имел особенности в управлении и некоторых узаконениях. Делился на Северо-Западный край, включавший 6 белорусских и литовских губерний (Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую) и Юго-Западный край, включавший 3 губернии Правобережной Украины (Волынскую, Подольскую, Киевскую).

² В 1874 г. институт наместника в Варшаве заменяется должностью генерал-губернатора, наименование «Царство Польское» официально изменяется на «Привислинский край».

Задача русификации Западного края была тем редким случаем, когда совпадали представления императорской власти, великорусского просвещенного общества и научных кругов. Борьба с полонизацией «исконно русских земель» находила поддержку в российских губерниях. Ф.И. Тютчев свидетельствовал, что «тесною, неразрывною солидарностью связано русское Слово и русское Дело... русское слово в Москве и русское слово в Вильно и Варшаве».

Над русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты,
И звоном меди православной
Все огласились высоты³.

Доктрину власти поддерживало и археологическое сообщество. На состоявшемся 17 мая 1864 г. заседании РАО рассматривался вопрос об организации экспедиции в Западный край с целью «исследования главнейших православных памятников в Западном крае»⁴.

Инициатива РАО вызвала понимание у высшей администрации империи. Ее поддержал Виленский, Ковенский, Гродненский и Минский генерал-губернатор М.Н. Муравьев, известный жесткой позицией по отношению к полякам. Он взял экспедицию под свое покровительство и выделил щедрое финансирование – три тысячи руб., «назначив, сверх того, особую сумму для трудов экспедиции»⁵. В том же 1864 г. М.Н. Муравьев подписал открытый лист члену РАО Д.М. Струкову «для исследования Северо-Западного края»⁶. Отдельный открытый лист был выдан Д.М. Струкову и Литовским митрополитом Иосифом⁷.

Понимая значение науки для продвижения русификации Западного края, некоторые представители власти ставили ее на один уровень с православием. Как заявил в 1865 г. один из представителей военной администрации в Вильно, «наука есть святыня, как и религия: религия есть вера в истину, наука есть путь к оной. Следовательно, всякое искажение науки, равно как и религии, из-за личных выгод и политических целей есть святотатство»⁸. Оставалось только понять, что власть подразумевала под истиной в науке в приложении к истории Западного края.

Внимание власти к Западному краю, в том числе и с позиций изучения его прошлого, не было новостью для ученых. Они прекрасно понимали политическую подоплеку подобного внимания. Еще А.К. Киркор, археолог и сотрудник Виленского статистического комитета, пропагандировал в местных изданиях выгодную императорской власти идею о вражде уроженцев «кресов»⁹ к жителям Царства Польского, наиболее четко сформулировав эту мысль в своей записке, поданной в 1866 г. министру внутренних дел П.А. Валуеву. А.К. Киркор был сторонником «оправославливания» западных губерний¹⁰.

На съездах 1880-х годов ряд представителей научных организаций Западного края доказывали исконное существование «русского, православного» населения на западных территориях. На VI археологическом съезде прозвучал доклад Я.Ф. Головацкого, утверждавшего, что «в XVI столетии Пинское и Клевское княжества были заселены сплошным русским православным населением; то же можно сказать о городе Пинске и местечках, в которых жило только ничтожное количество евреев и польских выходцев»¹¹. Русский

³ Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М., 2007. С. 278, 190.

⁴ Российская академия наук Институт истории материальной культуры (РАН ИИМК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 45. Л. 1-3.

⁵ РАН ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 45. Л. 7-8, 10.

⁶ РАН ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 45. Л. 68.

⁷ РАН ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 45. Л. 71.

⁸ Пыпин А.Н. История русской этнографии. Минск, 2005. С. 168.

⁹ Кресы, или Восточные Кресы (польск. Kresy Wschodnie, от «крес» – граница, конец, край), – польское название этих территорий, жители которых назывались кресовянами. Понятие кресов появилось в середине XIX в. в произведениях польского поэта Винцентия Поля и распространилось, благодаря идее о цивилизаторской миссии поляков на этих землях и в связи с происхождением крупнейших польских поэтов – Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого – из этих земель. В 2006 г. в Кракове создан Кресовый институт с задачами документирования и исследования истории и культуры Восточных Кресов. Тема «кресов» не потеряла актуальности и в наши дни. См.: Хорев В.А. Восточные «Кресы» в современной польской прозе // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008. С. 290-296.

¹⁰ Киркор А. Значение и успех археологии в наше время // Записки Виленской археологической комиссии. 1856. Ч. 1. С. 25-39; Янчук Н.А. А.К. Киркор. Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1888; Янчук Н.А. Некролог // Древности. Труды МАО. 1888. Т. 12. С. 79-107.

¹¹ Труды VI АС в Одессе (1884 г.). Одесса, 1888. Т. II. С. 431.

язык на этих территориях, по мнению Я.Ф. Головацкого, не отклонялся «от древней русской письменности, развивавшейся на Руси во время ее самостоятельных княжений, не подчиненных ни влиянию Польши, ни ее латинства»¹².

Взгляды Я.Ф. Головацкого не были данью официальной точке зрения, а отражали его искреннее мнение. В письме Я.Ф. Головацкого к филологу С.П. Микуцкому в Варшаву, не предназначавшемся для широкой огласки, но перлюстрированном III отделением императорской канцелярии, содержатся высказывания ученого о необходимости повсеместного продвижении русского языка и русских начал в Западном крае¹³.

П.С. Уварова, разделяя подобные взгляды, открыто заявляла, что задачей съездов в Западном крае является доказательство исконно русской принадлежности этих земель. «Археологические съезды, созываемые всякие три года, вначале – на удачу, то в том, то в другом университетском городе – за последние годы – более *систематично приурочиваемые* к нашей западной окраине с целью более систематичного исследования и изучения собственно славяно-русских погребений и памятников и их взаимодействия на соприкасающиеся с ними народности»¹⁴.

К 90-м годам XIX в. власть осознала значение древней истории и археологии для пропаганды государственной идеологии. Она оценила возможности археологических съездов для упрочения имперской доктрины. Высшая власть в империи взяла на себя решение вопроса о месте проведения съездов, исходя из собственных интересов. П.С. Уварова не только не пыталась скрыть, а наоборот, подчеркивала волю императора при выборе места проведения IX и последующих съездов. «Великий князь Сергей Александрович... сообщил мне пожелание его величества государя императора Александра III, чтобы три ближайших съезда были приурочены к Вильне, Риге и Варшаве»¹⁵.

В русско-польском противостоянии в конце XIX в. поляки уже не уповали на вооруженное свержение российской власти, а перенесли усилия в область культурно-национального соперничества, во многом безуспешно, в том числе и на территории Северо-Западного края. Усилия русской бюрократии по противодействию польской интриге в этом крае были недостаточно эффективны и часто непоследовательны. Проигрывая польской стороне во влиянии на население края, императорская власть попыталась использовать как средство пропаганды археологические съезды.

Наиболее остро русско-польские противоречия прозвучали при организации и проведении IX съезда в Вильно в 1893 г. Еще были свежи впечатления от польского восстания 1863-1864 гг., что стало причиной ликвидации особых польских административных учреждений. Российские власти поставили перед собой цель, «чтобы этот край вовсе перестал быть польским»¹⁶. В этих условиях власть обращала особое внимание на организацию и проведение съезда, который находился под личным контролем императора и проходил при активном участии его брата великого князя Сергея Александровича, прибывшего в Вильно, чтобы открыть съезд.

Трехлетняя подготовка съезда встретила множество препятствий, в том числе и «со стороны местной, виленской, администрации», а незадолго до открытия съезда встал «вопрос о его отсрочке и перенесении в другое место»¹⁷. Сложности заключались, с одной стороны, в противоречиях с местными пропольскими кругами, которые пользовались в крае значительным влиянием, а с другой – во взаимоотношениях с местной имперской администрацией, стремившейся оградить съезд от какого-либо проявления польского духа. Об этом свидетельствует записка профессора М.О. Кояловича, прочитанная на заседании Предварительного комитета в Москве 5 января 1891 г., в которой автор утверждал, что «усилий повернуть ход дела на съезде не в русскую сторону, без всякого сомнения, будет много»¹⁸.

¹² Там же.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 4а. Д. 417. Л. 1-3.

¹⁴ Труды XI АС в Киеве. 1899. М., 1902. Т. II. С. 49.

¹⁵ Уварова П.С. Бьлое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 189.

¹⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865-1867. С. 331.

¹⁷ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Московского археологического общества с 17 февраля 1893 г. по 17 февраля 1894 г., читанный в годичном заседании Общества 9 марта 1894 г. секретарем Общества В.К. Трутовским // Древности. Труды МАО. 1900. Т. XVII. С. 39.

¹⁸ Сторожев В.Н. IX археологический съезд в г. Вильно. СПб., 1894. С. 1.

Учитывая политическое значение виленского съезда, а главное, распространение полонофильских настроений в среде местного общества, имперская власть испытывала опасения относительно возможных эксцессов при проведении съезда и способности руководства МАО нейтрализовать антирусские акции. Посему были приложены максимальные усилия, чтобы сконцентрировать властные полномочия в руках государственных структур в ущерб правам традиционных органов съезда. В «Правила» съезда правительство внесло изменения, которые утверждали контролируемую роль Виленского генерал-губернатора и попечителя Виленского учебного округа¹⁹. Эта инициатива Министерства просвещения была инициирована местной властью, прежде всего, попечителем Н.А. Сергиевским, утверждавшим, что Северо-Западный край «по своим политическим и социальным особенностям резко отличается от великорусских губерний и от центральных столичных пунктов. Эти особенности очень разнообразны, сильно живучи, нередко стараются охватить собою все течения местной жизни и направить его по-своему... Но тут то и приходится постоянно считаться с ними, как слишком тенденциозными и узко-своекорыстными, и эти счеты может сводить только высшая местная власть как хорошо ознакомленная с ними»²⁰.

П.С. Уварова, пытаясь отстоять права МАО, неоднократно обращалась к министру просвещения²¹. Но все ее петиции не смогли достичь желаемого результата. И.Д. Делянов в письме от 2 мая 1891 г. в вежливой форме предлагал ей не ездить в Вильно, т.к. «правила, которые будут установлены для предстоящего съезда, не будут заключать в себе ничего стеснительного. При составлении их приняты во внимание замечания Вашего сиятельства»²². Но графиня продолжала настаивать на своем, что вызвало раздражение министра. В письме от 31 июля 1892 г. И.Д. Делянов открыто заявил, что дополнения к «Правилам» сделаны Комитетом министров из политических соображений. При проведении съезда в крае, где сильны сепаратистские пропольские настроения, необходимо оградить «чисто научные его занятия от проявления местных тенденциозных стремлений, с чем местная правительственная власть справится лучше, чем само Общество»²³.

Обиду Прасковья Сергеевна запомнила надолго. Даже десять лет спустя она пеняла великому князю Сергею Александровичу, «который, к сожалению, в Вильно нас совершенно забыл. Извините за упрек, но ведь это правда!»²⁴.

В «Правилах» прописывался контроль и за более мелкими деталями. В п.11 указывалось, что «до открытия выставки»²⁵ попечителю Виленского учебного округа сообщается на предварительное одобрение каталог таковой»²⁶. Власть не могла забыть историю с Виленским «музеумом» древностей, созданным в 1855 г. графом Е.П. Тышкевичем. Это хранилище, по представлениям генерал-губернатора М.Н. Муравьева, было превращено в рассадник полонизма, где «местные патриоты стремились укрепить за русской окраиной значение польского края, претенциозно называемого ими краем *zabranym*»²⁷²⁸. В 1865 г. по результатам деятельности специальной комиссии, занимавшейся разбором предметов, находящихся в Виленском музее древностей, из коллекции изъяли значительную часть экспонатов, «относящуюся к чуждой этому краю польской народности». По заключению комиссии, музей «наполнен был таким множеством предметов политического, тенденциозного характера, что чисто ученая его область, за исключением всего, что относится к естествознанию, состояла совершенно на заднем плане»²⁹. Польский отдел в количестве

¹⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 325.

²⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 142. Д. 1113. Л. 21.

²¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 454. Оп. 2. Д. 117. Л. 128-129.

²² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 198.

²³ Древности. Труды МАО. 1900. Т. XVI. С. 44-45.

²⁴ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 631. Оп. 1. Д. 191. Л. 17 об.

²⁵ Речь идет об обычной выставке, сопровождавшей каждый археологический съезд, формирование которой и ранее, и на последующих съездах полностью относилось к ведению МАО и съезда.

²⁶ Девятый Археологический съезд в Вильне 1-14 августа 1893 г. М., 1893. С. 14.

²⁷ *Zabranym* – отнятым (польск). Полностью фраза звучит «*Zabranym krajem*» – отнятыми землями.

²⁸ Городецкий М.И. Виленский музей древностей: По поводу 30-летней годовщины его существования (1856-1886) // Исторический вестник. 1886. № 9. С. 602.

²⁹ Коялович М. Западно-русские археографические издания // ЖМНП. 1870. № 12. С. 14.

270 экспонатов, «напоминающих польское владычество в крае»³⁰, был изъят из музея, в 1869 г. перевезен в Москву и передан Московскому Публичному и Румянцевскому музеям. Действия власти вызвали возмущение среди местного общества, а основатель музея граф Е.П. Тышкевич подал в отставку с поста директора и председателя Археологической комиссии.

Прекрасно понимая политическое и пропагандистское значение выставки в Вильно, П.С. Уварова еще за год до съезда писала великому князю Сергею Александровичу, что «привлекая поляков в особенности к участию в выставке, мы узреем, чем они богаты, что у них еще сохранилось, и на что мы можем рассчитывать при разработке истории края»³¹. Учитывая, что графиня повсеместно провозглашала русскую принадлежность Западного края, который она «считала своим», понятно, в каком контексте она предполагала использовать столь оригинальным способом полученные материалы. П.С. Уварова также надеялась на помощь Д.Я. Самоквасова, бывшего в то время профессором Варшавского университета. Она обратилась к нему с просьбой прислать «по возможности полный список варшавских коллекционеров, собирателей, любителей и проч., к которым следовало бы обратиться с просьбой о сотрудничестве по съезду и выставке»³².

П.С. Уварова не устала заверять министра И.Д. Делянова, что сумеет поставить преграды на пути пропольских поползновений при организации выставки. «Выставка, устраиваемая при съезде, ... не может вызывать никаких опасений, ибо порядок устройства подобных выставок следующий: Предварительный комитет, обыкновенно Московский, вызывает желающих принять участие в выставке, получает от этих лиц списки выставляемых предметов, разбирает эти списки и допускает на выставку только то, что по спискам в действительности будет представлять научный интерес и вообще будет признано уместным и желательным»³³. Графиня, помимо научных критериев в части отбора экспонатов, упоминает и критерии «уместности» и «желательности», что позволяло сформировать «уместную» в идеологическом отношении экспозицию.

П.С. Уварова предлагала свои пути решения проблемы польского представительства. По ее словам, «для того чтобы привлечь польских помещиков к содействию и участию в выставке, необходимо побаловать их намеком на самостоятельность, дать им возможность играть роль и сидеть в первом ряду»³⁴. Графиня была уверена в успехе своего плана, уверяя великого князя Сергея Александровича, что, если ему угодно было согласиться с ее доводами и позволить ей начать переговоры с местными помещиками, она бы «считала себя крайне ободренной и благодарною... и немедленно взялась бы за дело, которое могла бы окончательно установить»³⁵.

Попечитель округа также заверял Министерство народного просвещения, что «на археологической выставке самое видное место, по важности выставляемых предметов, их разнообразию и большому собранию, принадлежит, бесспорно, императорской Археологической комиссии»³⁶.

В итоге выставка, по мнению организаторов, представляла картину того, что было сделано русскими исследователями и правительством для изучения края. Именно «русскими исследователями», что в очередной раз подчеркивало русское верховенство в крае. Но Предварительному комитету «не удалось привлечь на выставку коллекций местных польских любителей и получить из Краковского музея и других пограничных иностранных собраний рисунки и описания предметов, которые были найдены в пределах России». Поляки игнорировали это начинание. В такой ситуации из местных коллекций на выставку были представлены только экспонаты, подобранные подчиненными МВД «соб-

³⁰ Киркор А. Значение и успех археологии в наше время // Записки Виленской археологической комиссии. 1856. Ч. 1. С. 25-39.

³¹ ГАВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 191. Л. 5 об.

³² ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 104.

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1113. Л. 140.

³⁴ ГАВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 191. Л. 5 об.

³⁵ ГАВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 191. Л. 6 – 6 об.

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1113. Л. 18.

раниями местных статистических комитетов, любителей и императорской Археологической комиссии»³⁷.

При проведении IX съезда ужесточились правила чтения докладов. Согласно п.18 «Правил», «председателям отделений вменяется в обязанность... допускать к докладу только те из рефератов, которые этого заслуживают. Словесные сообщения допускаются комитетом только по рассмотрении тезисов»³⁸. Более того, исходя из требований п.26 «программы заседаний, заключающие в себе название рефератов и их главные тезисы, сообщаются на предварительное одобрение попечителю Виленского учебного округа»³⁹. Ранее это положение оставалось на усмотрение комитета съезда.

В состав должностных лиц IX съезда в Вильно, председателем которого традиционно являлась П.С. Уварова, вошли лояльные к власти личности. Председателем Ученого комитета стал Ф.И. Успенский, будущий директор Русского археологического института в Константинополе, известный своими имперскими взглядами. Председателем Распорядительного комитета утвердили председателя Виленской археографической комиссии Ю.Ф. Крачковского⁴⁰. Виленская археографическая комиссия была создана в 1864 г. генерал-губернатором М.Н. Муравьевым при участии попечителя учебного округа И.П. Корнилова с целью обосновать исконно русские, православные начала Западного края. Другой задачей комиссии была ревизия владетельных прав местного шляхетства. И хотя Ю.Ф. Крачковского ранее заподозрили в националистических поползновениях, к моменту проведения съезда ему доверили руководство столь значимым в Западном крае учреждением.

В Предварительный комитет был включен представитель военного ведомства – Генерального штаба полковник Кондратович. По его требованию, на основании того, что жизнь западных окраин, «особенно в прежнее время, представляет почти непрерывную борьбу», в состав отделений съезда были включены «военные» древности⁴¹.

Одной из первых проблем, с которыми столкнулось МАО при организации съезда, стал вопрос о создании в Вильно отделения Предварительного комитета. Несмотря на свою традиционность, это предложение вызвало продолжительную дискуссию между обществом и Министерством народного просвещения. Понимая опасения министра, П.С. Уварова убеждала И.Д. Делянова в лояльности будущих членов Отделения. Еще в 1890 г., в начале подготовки съезда, графиня писала министру, что, в соответствии с его указаниями, МАО считает необходимым «избирать предметом занятий предполагаемого съезда в г. Вильно преследования исключительно русских начал жизни в Северо-Западном крае; императорское Московское археологическое общество признает, что археология, как наука, не должна затрагивать никаких политических вопросов, не имеет никакого основания и желания возбуждать их, а потому полагает, что всякое, даже косвенное, о них упоминание могло бы быть опасным для успеха съезда в таком городе, как Вильно»⁴².

В следующем году графиня вновь обратилась к И.Д. Делянову с письмом на ту же тему⁴³. Но все эти доводы не убедили Министерство народного просвещения, которое отклонило ходатайство МАО о создании Виленского отделения Предварительного комитета. Просветительское ведомство считало, что отделения комитета в городах Западного края «могут внести в археологический съезд совершенно чуждый его интересам элемент своих местных, партикулярных стремлений»⁴⁴.

После настоятельных обращений МАО Виленское отделение Предварительного комитета было лично разрешено императором⁴⁵. Но во главе отделения поставили не уче-

³⁷ Уварова П.С. Отчет по IX Археологическому съезду в г. Вильне. Приложение к протоколу № 430 Обыкновенного заседания МАО от 5 октября 1893 г. // Древности. Труды МАО. 1900. Т. XVII. С. 98.

³⁸ Девятый Археологический съезд в Вильне 1-14 августа 1893 г. М., 1891. С. 15.

³⁹ Девятый Археологический съезд в Вильне 1-14 августа 1893 г. М., 1891. С. 16.

⁴⁰ Уварова П.С. Отчет по IX Археологическому Съезду в г. Вильне. Приложение к протоколу № 430 Обыкновенного заседания МАО от 5 октября 1893 г. // Древности. Труды МАО. 1900. Т. XVII. С. 88.

⁴¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 31. Л. 171-172.

⁴² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 465.

⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 468-470.

⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 117. Л. 94 об.

⁴⁵ Протоколы заседаний Императорского Московского археологического общества // Древности. Труды МАО. 1900. Т. XVI. С. 39, 40.

ного, а предводителя дворянства Свенянского уезда генерал-лейтенанта А.П. Тыртова. Генерал был не чужд интереса к прошлому, писал о древностях Западного края и являлся одним из инициаторов создания Полоцкого музея. Но на первом же заседании отделения А.П. Тыртов пояснил, что, «не занимаясь специально археологией, он дал свое согласие на принятие высокой чести...», предложенной Уваровой, только надеясь на содействие членов отделения⁴⁶. Генерал сообщал графине, что, предварительно переговорив с попечителем округа Н.А. Свергеевским,⁴⁷ генерал-губернатором и его непосредственным начальником, Виленским губернатором бароном Гревенцем и с иными людьми, он принял «предложение быть председателем Виленского отделения Московского предварительного комитета»⁴⁸. Согласование кандидатуры председателя велось весьма основательно.

Общественную позицию А.П. Тыртова характеризует его письмо к П.С. Уваровой, в котором он протестовал против посылки опросных метрик в католические приходы, как не имеющих отношения к археологии.⁴⁹ К тому же, писал А.П. Тыртов, «если католическое духовенство даст Вам ответ на польском языке, – ведь это будет скандал; а обязать их давать ответ по церковным делам по-русски,... согласитесь, графиня, будет неудобно»⁵⁰.

В письме от 11 марта 1891 г. попечитель Виленского учебного округа сообщал П.С. Уваровой о выделении «из среды служащих округа» группы для помощи в организации съезда. В ее состав вошел 21 человек, 8 из них – школьные «законоучители» и сотрудники различных семинарий, 9 – директора различных учебных заведений⁵¹. Четыре из предложенных кандидатов (не считая председателя А.П. Тыртова) вошли в состав Виленского отделения, а один – инспектор Витебской дирекции народных училищ Е.Р. Романов – в состав Московского предварительного комитета. Трудно не заметить, что «группа помощников» в подавляющем большинстве представлена директорами учебных заведений и православными священнослужителями – представителями тех учреждений, которые были активными и последовательными проводниками русификаторской политики правительства.

В подобной ситуации понятно замечание П.С. Уваровой относительно нескольких польских участников Виленского отделения – «русским чиновникам они не любы»⁵².

Второй проблемой было стремление Министерства народного просвещения «ограничить занятия Виленского съезда изучением одних лишь русских древностей, во избежание нежелательных столкновений». На это МАО отвечало, что прямолинейная реализация подобной мононациональной программы «несомненно повлияет на успех съезда и повлечет за собой все те нежелательные проявления национализма и религиозного различия, которых так желает избежать сам г. министр». Археологическое общество настаивало откровенное игнорирование министерством каких-либо национальных особенностей в Виленском крае.

Просветительское ведомство в своих директивах требовало внести в проект правил указание на то, что «императорское Московское археологическое общество избирает предметом занятий предполагаемого съезда в г. Вильне исследование исключительно русских начал жизни в Северо-Западного края, и что с таким характером деятельности съезда будет согласован и выбор предметов для открываемой при съезде археологической выставки»⁵³. Усиленное продвижение министерством великорусских начал в работу съезда совпадало с личным мнением П.С. Уваровой, которая считала, «что в Вильне мало сделано для обрусения города и польского дворянства»⁵⁴.

⁴⁶ РАН ИИМК. Ф. 1. Оп. 1, 1890 г. Д. 207. Л. 210.

⁴⁷ Так в подлиннике. Правильно – Н.А. Сергиевский.

⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп. 1. Д. 630. Л. 213-214.

⁴⁹ М.Н. Муравьев (в 1863-1865 гг. – Виленский генерал-губернатор) писал императору, что католичество в этом крае «не вера, а политическая ересь». Недаром Н.А. Бердяев отмечал, что в России «католичество совсем не признается христианством. И в этом всегда был один из духовных источников ложного отношения к польскому вопросу».

⁵⁰ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 117. Л. 119-120.

⁵¹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 199-202.

⁵² Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 190.

⁵³ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 117. Л. 94-95.

⁵⁴ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 190.

Недаром на самом съезде отделение «древностей литовских, славянских и восточных» не проводило своих заседаний. Все доклады по этой тематике делались на общих заседаниях⁵⁵, чем подчеркивалось их значение и исключалась кулуарность обсуждения.

Власть щедро субсидировала проведение Виленского съезда. П.С. Уварова с удовлетворением сообщала, что «получила от государя значительную денежную субсидию на работы Предварительного комитета»⁵⁶. Министерство народного просвещения, пытаясь создать великорусское лобби, также выделило достаточно средств на командировки в Вильно представителей профессуры из университетов центральной России. При этом, несмотря на ходатайство П.С. Уваровой, министерство запретило некоторым чиновникам участвовать в работе съезда⁵⁷.

Редкую оперативность и предупредительность проявило губернское начальство, выделившее существенные суммы на проведение съезда и прием гостей, а также взявшее на себя многие организационные задачи⁵⁸.

Благодаря усилиям власти и МАО, на мероприятиях не случилось никаких эксцессов, «о политических тенденциях на съезде не было и речи...»⁵⁹. По заверениям П.С. Уваровой, «съезд... был очень многолюден, прошел блистательно и без всяких поползновений с какой-либо стороны на политическую окраску или враждебность к русским ученым»⁶⁰, «поляки делали доклады на русском языке,... не поднимали никаких вопросов, кроме чисто научных, что и позволило расстаться с ними совершенно друзьями»⁶¹. Хотя в последнее верится с большим трудом. Недаром указание императора Александра III провести съезд в Варшаве, несмотря на неоднократные попытки, осуществить не удалось.

THE ARCHEOLOGICAL CONGRESS IN WILNO AND THE RUSSIAN-POLISH CONTROVERSY IN THE NORTH-WEST TERRITORY

The article describes the events that occurred at the 9th Archeological Congress in Wilno in 1893. That was the first archeological congress in a series of subsequent congresses that took part in the West Territory and provinces bordering on it. The decision to hold such congresses in Wilno, Riga and Warsaw was taken by Emperor Alexander III of Russia. Reasons for the decision rooted in the objectives of the national policy, which proclaimed the history of the North-West Territory as having Russian origin (i.e. lands that had been returned to the Empire after the division of Poland). The Poles believed that those lands had been forcedly alienated, and tried to assert their own national priorities there. The Russian-Polish controversy became manifest in the course of preparing and holding the Congress. The Ministry of Public Education, in fear of Polish influence, concentrated the organizational functions of the Congress in the hands of the local administration, to the prejudice of the rights of the Moscow Archeological Society. The Archeological Society, on the other hand, shared the “russificationary” objectives of the Emperor’s administration, and tried to minimize participation of Polish representatives in the Congress. The organizers managed to “neutralize” external manifestations of Polish interests, but, as a consequence, the participation of the Poles in the Congress was reduced to minimum, and further attempts to conduct a congress in Warsaw failed.

Key words: Archeological Congress; Wilno; West Territory; national policy; Russian-Polish controversy

A.S. SMIRNOV

*Institute of Archeology
of the Russian Academy
of Sciences, Moscow*

e-mail: assmirnov@mail.ru

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 417. Л. 1-3.

⁵⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 25. Л. 105.

⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 198.

⁵⁸ РАН ИИМК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 38. Л. 266-269.

⁵⁹ Уварова П.С. Отчет по IX Археологическому съезду в г. Вильне. Приложение к протоколу № 430 Обыкновенного заседания МАО от 5 октября 1893 г. // Древности. Труды МАО. 1900. Т. XVII. С. 95.

⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1263. Л. 1.

⁶¹ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 202.